УДК 316.356.2(470.67)+2(470.67)
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.7

Сожительство в оценках дагестанского населения

Э.М. Загирова

*Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр
г. Махачкала, Россия*

Аннотация. Семейная проблематика, важность семейных ценностей и традиций остро обозначились на фоне роста феминистского движения, разрушения устоев традиционной семьи, происходящих внутри нее сложных и противоречивых процессов, деструктивных тенденций, которые способствуют кризису института семьи. В Дагестане в постсоветский период появился институт многоженства, который, вопреки встречающемуся среди фамилистов мнению, в истории дагестанских народов не имел широкого распространения. В этой связи актуально изучение полигамии, установление степени ее распространенности, отражение на семейном климате, во взаимоотношениях супругов. Поэтому важным является выявление мнения жителей республики и их оценка шариатского брака, ибо мужчины, имеющие «вторую жену», не могут официально оформить свои отношения. В статье рассматривается отношение дагестанских народов к гражданскому браку, который чаще именуется сожительством, что вполне объективно, потому что только зарегистрированные в органах ЗАГСа отношения могут называться брачным союзом. Авторская гипотеза базируется на доминанте шариатского брака, союза, заключенного по исламским канонам, над официально зарегистрированными отношениями между мужчиной и женщиной. Эмпирический материал показывает превалирование в массовом сознании опрошенного населения приоритетности шариатского брака, более того, недопустимости его отождествления с сожительством. Вместе с тем, в позициях респондентов прослеживается непоследовательность, с одной стороны, апеллирование к исламским постулатам в семейно-брачной сфере (наша религия позволяет заключить брак по исламским предписаниям, а это важнее регистрации брака в ЗАГСе), с другой, допустимость отождествления шариатского брака и сожительства (гражданский брак).

Ключевые слова: семья; сожительство; гражданский брак; институт семьи; кризис семьи; семейные ценности; семейные отношения.

Для цитирования: Загирова Э.М. Сожительство в оценках дагестанского населения // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 79 – 88.

Concubinage in the perception of the Dagestan residents

Elvira M. Zagirova

*Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center,
Makhachkala, Russia*

Abstract. Family problems, the importance of family values and traditions have become sharply defined against the background of the growth of the feminist movement, the destruction of the foundations of the traditional family, complex and contradictory processes taking place within it, destructive trends that contribute to the crisis of the family institution. The institution of polygamy appeared in Dagestan in the post-Soviet period, which was not widely spread in the history of the Dagestan residents. In this regard, it is important to study polygamy, to determine the degree of its prevalence, its reflection on the family climate, on the relationship between spouses. Moreover, within its framework, it is important to identify the attitudes of the republic inhabitants to this issue and their assessment of Sharia marriage, because men who have a "second wife" cannot formalize their relations. The author examines the attitude of the Dagestan residents to concubinage, more often called cohabitation (because only relations registered in the registry office can be called a family union). The author's hypothesis is initially based on the dominance of Sharia marriage, concluded according to Islamic canons, over an officially registered relationship. The empirical material shows the prevalence of the priority of Sharia marriage in the mass consciousness of the respondents. Moreover, the respondents see that it is unacceptable to identify it with concubinage. At the same time, there is an inconsistency in the answers of the respondents: on the one hand, they appeal to Islamic postulates in the family and marriage sphere (our religion allows us to marry according to Islamic prescriptions, and this is more important than registering a marriage in

the registry office): on the other hand, they consider possible to identify Sharia marriage and cohabitation (concubinage).

Keywords: family; concubinage; civil marriage; family institution; family crisis; family values; family relations.

For citation: Zagirova E.M. Concubinage in the perception of the Dagestan residents // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 79 – 88.

Введение

Преобразования постсоветского периода в различных сферах закономерно отразились и на институте семьи, которые в настоящее время проявляются в виде деструктивного сценария его (семьи – авт.) развития, а конкретно, иные установки и модели демографического поведения, нежелание иметь детей, провозглашение и следование принципу «жить для себя», предпочтительность гражданского брака, внебрачная рождаемость, ранее материнство и т.д. Иными словами, «брачные отношения в России сегодня уже совсем не те, как в традиционных обществах, в первую очередь в мусульманских странах (высокий уровень брачности и низкий уровень разводов), и ещё не такие, как в западных постиндустриальных государствах распространённость сожительства, высокие показатели внебрачной рождаемости, невысокий уровень брачности» (*Демография, 2015*).

Какие ценности значимы в семейно-брачной сфере? По мнению автора, такими могут быть ценности родительства, ценности детей (наличие детей), семейные ценности (материальные и духовные, среди последних традиции и обычаи присущие как национальному образованию, так и конкретно взятой семье). О.Н. Безрукова рассматривает «ценности родительства... как одна из групп семейных ценностей, комплекс эмоционально и культурно обусловленных, устойчивых убеждений о предпочтительных моделях репродуктивного, экзистенциального, социализационного поведения родителей с целью рождения и воспитания детей. Ценности родительства включают убеждения о ценности детей и отношении к ним; мотивации деторождения, планирования и организации рождения детей; их количестве; качестве заботы и воспитания; о том, как должны строиться взаимоотношения между родителями и детьми; какие качества необходимо воспитывать в детях» (*Безрукова, 2017*).

А что такое семейные ценности? Д.А. Завгородный под семейными ценностями понимает ценности, констатирующие «представления о желаемом типе семьи и семейных отношений, регулирующих поведение индивидов в сфере семейных отношений, детерминирующих принятие решений семейного характера и обеспечивающих сохранение и воспроизводство в обществе семейных образцов, моделей, норм» (*Завгородный, 2014*).

В современном институте семьи наблюдаются деструктивные явления, среди которых могут быть вполне обоснованно обозначены кризис самой семьи, рост количества разводов, неблагополучных семей, матерей одиночек, ранее материнство, отсутствие полового воспитания, девиантное поведение подростков, домашнее насилие, жертвами которого становятся как жены, малолетние дети, так и пожилые члены семьи (родители). Наряду с вышеперечисленными негативными явлениями в семейной сфере можно назвать ещё и появление полигамии в регионах распространения ислама. В постсоветский период в Дагестане появился институт многоженства, который не был распространен в дореволюционный период вопреки расхожему мнению, что полигамия является исключительно явлением присущим восточным народам, а также последователям ислама. И немаловажную роль в данном процессе сыграло исламское возрождение, появление возможности для широкого приобщения населения к вероучению: исламские учебные заведения разного уровня (примечетская школа, медресе, исламские высшие учебные заведения), издание большими тиражами исламской

литературы, пятничные проповеди исламских духовных лиц, которые внедряли в массовое сознание необходимость придерживаться мусульманских правил и постулатов в своем поведении. Большое внимание исламские служители уделяли семейно-брачной сфере, потому что в традиционной дагестанской семье происходили процессы, которые можно было обозначить как кризис, так и эволюцию, в зависимости от призм их рассмотрения и характеристики.

Отечественные фамилисты по-разному рассматривают брачный союз: ключевым является наличие или отсутствие его регистрации, иными словами, имеет место сожителство, которое называют гражданским браком. С изменением экономической и духовной основы российского общества, когда на смену существовавшей ценностной и идеологической системе пришли иные парадигмы, закономерно произошли трансформации практически во всех социальных сферах, в каких-то они отчетливо себя проявили, полностью разрушив прежние устои, а в каких-то протекали бесконфликтно. И такие изменения затронули и семейно-брачную сферу, что выражается в появлении такой модели взаимоотношений между мужчиной и женщиной как сожителство, которые в научной литературе, впрочем, и самими акторами, обозначается как гражданский брак. Если в научном плане строго следовать использованию терминологического аппарата, то «гражданский брак» есть союз зарегистрированный в органах ЗАГСа, а «истоки ошибочного употребления термина "гражданский брак" в наше время следует искать во времени регулирования брака церковными нормами, "гражданский брак" является синонимом незаконного» (Краснова, 2008).

В отечественной фамилистике последнего времени большое внимание уделяется изучению именно незарегистрированных семейных союзов, соответственно, предпринимаются, причем очень успешные попытки в исследовании таких явлений, как сожителство и гражданский брак. Так, сожителство рассматривают как «консенсуальный союз» (Нечаева, 2007), иными словами, «в России исследователи называют сожителства (cohabitations) и консенсуальными союзами, и фактическими браками, и незарегистрированными союзами, и неформальными, и незарегистрированными браками (Росстат), и гражданскими браками (СМИ), хотя в России юридические браки являются гражданскими, светскими. Однако следует учесть, что брак является юридическим институтом. Если речь идет о других странах, фактический брак (common law marriage) подразумевает отношения, имеющие некоторые юридические последствия» (Гурко, 2017). Обращает на себя внимание специфика, вернее, причины предпочтительности сожителства: «матери "одиночки" проживают с отцами своих детей. Но они не регистрируют не только брак, но и отцовство. Молодые вполне рационально рассчитывают, что можно получить от государства с таким статусом (льготы при приеме в детские дошкольные учреждения, более высокое пособие на ребенка, льготная постановка на жилищный учет). А юридическое закрепление чувств их интересует в последнюю очередь» (Гурко, 2017). В настоящее время гражданские браки уже перестали быть в российском обществе диковинкой и постепенно становятся нормой. И, несмотря на то, что ученым не удастся провести точный подсчет, заметно, что их число увеличивается.

В связи с вышесказанным, в авторском исследовании внимание было уделено институту «гражданский брак», потому что важным является исследование корреляции между традиционными и инновационными компонентами, а также их выраженности в области семейных отношений дагестанского общества. А это можно осуществить через выявление существующего в общественном сознании населения к гражданскому браку или точнее, сожителству, если отношения между мужчиной и женщиной официально не зарегистрированы.

Прежде чем перейти к анализу эмпирического материала, следует изложить существующее в научном сообществе понимание сожительства и подходов его изучения. Так, в современной социологии семьи сожительство рассматривается в русле двух традиций: сущность первого направления заключается в изучении сожительства в рамках институционального кризиса традиционного брака, базирующегося на «идее П.А. Сорокина о "падении семейных устоев": кризисное состояние вызывает ослабление брачных связей, которые поддерживались религиозными нормами и экономической несамостоятельностью женщин» (*Лактюхина, Антонов, 2015*).

Проблема кризиса семьи рассматривается в работах А. Карлсона, по мнению которого, «первые годы XXI в. свидетельствуют о беспрецедентном глобальном кризисе семьи. В большинстве развитых стран рождаемость упала значительно ниже уровня простого воспроизводства населения. Депопуляция стала новой реальностью мира. Массовое уклонение от брака столь же очевидно: брак или замещается сожительством, или отвергается вообще разнообразием форм домохозяйства» (*Карлсон, 2003*). Поэтому реакцией на разрушение полной семьи является простое сожительство без заключения брака, хотя оно не смогло выступить в полной мере «в качестве альтернативы семьи. Вместо того чтобы содействовать сплоченности взаимоотношений, совместно проживающие пары характеризуются чрезвычайно высокой степенью разобщенности. Вместо того чтобы стать проверкой, обеспечивающей последующее счастье, сожительство ассоциируется с низким уровнем стабильности и высоким уровнем разногласий» (*Карлсон, 2003*).

Рассматривая сожительство как выражение разрушительного процесса в пространстве брачного поведения, ученые, придерживающиеся теории кризиса при характеристике современного состояния семьи, сконцентрированы на поиске механизма изживания возникшей ситуации: «выход из которой усматривается в реставрации основных институтов и восстановлении утраченных ими функций» (*Лактюхина, Антонов, 2015*). Кроме того, в рамках модернистского направления сожительство является выражением «"современного" брачного поведения, следствие модернизации семейного института, в ходе которой неизбежно появление новых форм брака и изменение его функций» (*Лактюхина, Антонов, 2015*). Модернистский подход получил свою разработку и развитие в исследованиях С.И. Голод, А.Г. Вишневого, С.В. Захарова, А.Р. Михеевой (*Вишневский, 2006; Голод, 2010; Захаров, 2007; Михеева, 2012*).

По мнению С.В. Захарова, в современном российском обществе официальный брачный союз утрачивает свою притягательность по причине существования ориентаций на вариативную форму брака – гражданский брак, несмотря на то, что «из исторического опыта России известно, что прочность союзов, основанных на добровольном согласии, при прочих равных условиях ниже, чем официальных браков... Именно поэтому из профессионального стана демографов, социологов и политиков часто следует посыл уничижительно-дискриминационного свойства по отношению к незарегистрированным союзам. Призывы к "укреплению и возрождению семейных ценностей" сегодня в России все более трансформируются в призыв не допустить дальнейшего распространения "незаконных сожительств"» (*Захаров, 2007*). Интересна позиция С.В. Захарова при анализе роли сожительства в демографических процессах: «опыт ряда развитых стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, соответствует росту рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость наблюдается в тех странах, где высока и доля "внебрачных" рождений» (*Захаров, 2007*).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что сожительство или гражданский брак имеет распространение в современном обществе, причем не только в

русском, но и в западном. Его появление можно интерпретировать с разных позиций – как желание совместно проживающих людей «проверить свои отношения» до официальной их регистрации, снижением веса и ценности семьи как таковой, приоритетностью в установках мужчины и женщины эмоционального восприятия (чувство любви) в противовес узаконивания своих отношений, так и экономическим мотивом (иметь материальные льготы и иные преференции от государства).

Эмпирическая часть исследования

Эмпирическую базу исследования составляет социологическое исследование, проведенное в 2021 г. в рамках изучения отношения дагестанских мужчин и женщин к институту многоженству. Основным методом исследования – стандартизированный массовый опрос. В 2021 г. было опрошено 507 чел., из них по городам – Дербент (N = 57), Махачкала (N = 280); по районам республики – Ботлихский район (N = 26), Дербентский район (N = 48), Казбековский район (N = 21), Кизлярский район (N = 28), Кизилюртовский район (N = 27), Левашинский район (N = 34), Хасавюртовский район (N = 59), По полу 243 мужчин и 264 женщин; по образованию 243 чел. со средним, 136 чел. со средним специальным и 137 чел. высшим образованием; по возрасту: «0 – 19 лет» (N = 176 чел.), «20 – 35 лет» (N = 136), «36 – 50 лет» (N = 103), старше 50 лет (N = 104); по отношению к религии – верующие (N = 319), неверующие (N = 62), колеблющийся (N = 107).

Результаты исследования

Согласно исламским традициям, брак, заключенный по шариатским законам, не только приравнивается к официальному, но и имеет приоритетное значение для мусульманских народов, то есть его (шариатский брак – авт.) вес больше, и он главнее. Более того, даже в советский период при господствовавшей атеистической идеологии, до регистрации в органах ЗАГСа, последователи ислама раньше заключали брак по мусульманским канонам, и только потом его регистрировали. Можно утверждать, что традиционное и инновационное перемешалось в массовом восприятии дагестанских народов, потому явно выраженных отрицательных оценок этому виду семьи мы не получили, а с учетом имевшейся всегда доминанты шариатских браков в Дагестане по ряду вопросов были получены удивительные, с точки зрения строгих нравов дагестанского общества, результаты. Так, данные на вопрос **«Как относитесь Вы к гражданским (не зарегистрированным, сожительствующим) семьям?»** показывают, что 28,6 % опрошенного населения республики положительно относятся к гражданским (не зарегистрированным, сожительствующим) семьям с аргументом, что исламская вера позволяет заключить брак по мусульманским предписаниям, а это, по их мнению, важнее регистрации брака в ЗАГСе. По гендерной принадлежности данная позиция ближе 31,2 % мужчин и чуть меньшей части опрошенных женщин (26,7 %). На второй позиции располагается суждение «отрицательно, если отношения не будут оформлены по одному из возможных вариантов (или по религиозным предписаниям, или по закону», которое отмечено 25,0 % женщин, группой состоящих в браке (26,3 %), неверующими (31,6 %), поколениями в возрасте 35 – 50 лет (28,3 %) и старше 50 лет (24,7 %). Положительное отношение к сожительству с аргументацией, что «печать в паспорте не имеет значения, если супруги любят друг друга и им хорошо вместе» разделяют 16,8 % опрошенных по всему массиву и их больше в группе мужчин (26,0 %), по сравнению с женщинами (9,9 %), молодого поколения 0 – 20 лет (23,4 %), которое не имеет опыта семейной жизни, вернее не понимает, что семейная жизнь строится не только на одном чувстве любви, категории холостых (22,4 %) и колеблющихся (34,6 %). Положительная оценка сожительства характерна 15,8 % респондентов по всему массиву: по их мнению, можно заключить шариатский брак и людей в таком браке не будут называть

сожителями. Здесь необходимо пояснить, что для мусульман приоритетным является брак, заключенный по канонам ислама, и отсутствие официальной его регистрации никак не влияет на его законность с точки зрения религии (ислама). На возможность заключения шариатского брака, что важнее официально зарегистрированных брачных отношений, указывают верующие (16,9 %) против небольшого числа неверующих (5,3 %) и колеблющихся (7,7 %), мужчины (18,6 %) против женщин (13,7 %), возрастная категория 20 – 35 лет (21,2 %), состоящие в браке (17,6 %) и разведенные (16,1 %). Вместе с тем, 14,8 % опрошенных негативно относятся к сожительству, ибо, по их мнению, гражданский брак способствует утрате важности семьи, семейных ценностей и формирует безнравственность в поведении молодого поколения. То есть респонденты отрицательную оценку гражданского брака объясняют тем, что незарегистрированные брачные отношения, во-первых, порождают безнравственность, во-вторых, нарушают традиционные устои дагестанского общества, в-третьих, разрушает традиционные семейные отношения и ценности – 10,1 %, 10,7 % и 10,2 %, соответственно. Чуть меньшая часть опрошенных настроена положительно и считает, что люди должны проверить свои отношения, прежде чем заключить официальный брак (8,3 %) и если какие-то причины не позволяют людям официально оформить свои отношения, то они могут находиться в гражданском браке (9,7 %). По обоим положениям отметивших больше среди мужчин – 13,5 % и 13,0 %, по сравнению с женщинами – 4,5 % и 7,2 %, соответственно. Еще раз необходимо напомнить, что в обществе широкое распространение имеет понимание гражданского брака как формы семьи и брачного союза, который, официально не зарегистрирован. Более того, люди по каким-то причинам (чтобы не создавать проблемы с разводом, разделом имущества, кто-то боится, что если заключать официально брак, то их отношения могут разрушиться). Гражданские браки распространены среди молодого поколения, которое еще не готово к рождению детей и хотят «проверить свои отношения» и не стремятся официально зарегистрировать свои отношения, но в отношении народов, исповедующих ислам, имеет место своя специфика: мужчина и женщина могут официально не регистрировать свои отношения, но они могут заключить шариатский брак, чтобы не жить в «грехе». Иными словами, в понимании сожительства и гражданского брака существует тонкость: в строгом понимании отсутствие зарегистрированного брака в органах ЗАГСа, независимо от религиозной принадлежности, можно назвать сожительством или гражданским браком, но приоритетность для представителей ислама брака заключенного по нормам ислама (никах) не позволяет считать его сожительством.

С целью уточнения существующего в общественном сознании дагестанского населения понимания мусульманского брака – можно ли его рассматривать как сожительство – был задан «контрольный вопрос»: **«Как Вы думаете, можно ли считать шариатский брак сожительством между мужчиной и женщиной?»**. По всему массиву 44,8 % опрошенных придерживаются точки зрения, что шариатский брак нельзя считать сожительством между мужчиной и женщиной, потому что для мусульманина, независимо от отношения к религии (верующий – неверующий), важнее брак, заключенный по канонам ислама. Если посмотреть данные опроса по гендерной принадлежности, данной точки зрения придерживается почти одинаковая часть опрошенных мужчин и женщин – 44,7 % и 44,9 %, соответственно. Но можно видеть, что доля таковых больше в возрастной группе 20 – 35 лет (50,8 %), хотя и в разрезах старше 36 лет и выше этой точки зрения придерживается каждый второй респондент. При этом разделяющих данное положение заметно меньше в возрастной подгруппе 0 – 20 лет (34,0 %). По семейному положению 48,3 % опрошенных как состоящих, так и не связанных брачными узами (41,1 %) отмечают важность брака заключенного по исламским правилам над официальным брачным союзом. Такая же картина характерна и по уровню

образования, хотя, на первый взгляд, можно было предположить, что среди опрошенных с высоким образовательным статусом процентный показатель будет ниже, что не подтверждается результатами опроса – 48,0 % со средним, 37,5 % средним специальным и 45,1 % высшим образованием. Но при этом указывающих на доминанту шариатского брака, по сравнению с зарегистрированным в ЗАГСе, как и ожидалось, больше среди верующих (48,1 %) против 11,5 % колеблющихся и неверующих (10,5 %). На втором месте находится противоположный первому суждению вариант ответа, который рассматривает шариатский брак как сожительство, потому что он официально не регистрируется (18,1 %). Больше всего разделяющих этот вариант ответа среди мужчин (24,2 %), по сравнению с женщинами (13,7 %), в возрасте 0 – 20 лет (25,0 %), состоящих в браке (18,5 %), имеющих высшее образование (21,1 %), неверующих (36,8 %) и колеблющихся (34,6 %). При этом 12,8 % не рассматривают шариатский брак как сожительство, потому что мечеть выдает свидетельство о заключении брака, которое имеет такое же значение и вес, как и свидетельство, выданное в ЗАГСе. Это положение ближе 16,1 % опрошенных женщин (мужчин заметно меньше – 8,4 %), 12,8 % - в возрасте 0 – 20 лет, 14,5 % 36 – 50 лет, 14,4 % - старше 50 лет, состоящим в браке (13,8 %) и разведенным (12,9 %). По отношению к религии таковых меньше в группе верующих, по сравнению с колеблющимися, хотя, должно было быть наоборот, – 12,8 % и 15,4 %, соответственно. Затруднились охарактеризовать шариатский брак 14,8 % опрошенного населения, видимо, происходящие в семейно-брачной сфере изменения еще не в полном мере осознаются и представляют сложность при выработке отношения и оценки в общественном сознании респондентов. Для определенной части опрошенных гражданский брак отождествляется с шариатским, поэтому в общественном сознании отсутствует его отрицательная оценка и отношение, более того, представления о семье у дагестанских народов в значительной степени детерминированы религиозными установками, что и показывают результаты опроса.

Исследователи констатируют, что отказ от заключения официально зарегистрированного брачного союза обусловлено несколькими причинами, среди которых, наряду с сожительством, имеет место и существование добрачных сексуальных отношений. При, так называемом, «гражданском браке», особенно при отсутствии детей, мужчина не ориентирован на регистрацию отношений с женщиной, с которой он проживает, потому что в такой модели семьи есть возможность без материальных и психоэмоциональных потерь прекратить отношения. Как известно, ранее больше распространение имели эндогамные браки в силу объективных факторов: «Чем выше степень групповой солидарности, тем сильнее чувство неприятия брака с людьми за пределами группы. Причем неважно, какая причина заставляет желать групповой солидарности. "Внешний брак" означает или потерю члена своей группы в пользу другой, или включение в свою собственную группу таких людей, которые недостаточно подготовлены к восприятию ее ценностей, мнений и обычаев» (Гурко, Мамиконян, 2018).

По мнению автора, одним из негативных последствий сожительства или гражданского брака является изменение демографического поведения населения, потому что как мужчина, так и женщина (больше женщина, по сравнению с мужчиной), не уверены в своем партнере: как он себя поведет если появится ребенок, готовность мужчины брать на себя ответственность за семью, его материальное благополучие и т.д. Кроме того, наряду с трансформацией демографического поведения и сопровождающихся его тенденций, на институт семьи и происходящие внутри нее процессы заметное влияние оказывает и религиозный фактор, в данном контексте исламский. Мы не будем останавливаться на этом вопросе, потому что данный аспект выходит за рамки обозначенной проблематики, но следует отметить, что роль и значение религиозного компонента, конфессиональной принадлежности брачного партнера и ряд других

вопросов рассмотрен А.В. Верещагиной (*Верещагина, Шахбанова, 2016; Верещагина, Шахбанова, Шихалиева, 2014*), Р.О. Рамазановым (*Рамазанов, 2019*), М.М. Шахбановой (*Шахбанова, 2009*).

Одним из признаков изменения демографического поведения является брачное поведение, вернее, наблюдающаяся переориентация, особенно молодого поколения на карьеру, приоритет материального благополучия, стремление обеспечить финансовую «подушку безопасности». Если важным является эмоциональное состояние и чувства (любовь), то параллельно наблюдается демонстрация равнодушия к материнству. Вместе с тем, наблюдается внебрачная рождаемость, ранее материнство и ряд иных негативных тенденций, к числу которых вполне объективно может быть отнесено и повышение возраста вступления в брак. Данный вопрос был затронут в авторском исследовании. Из всего массива опрошенных наиболее подходящим для создания семьи опрошенные считают возрастной интервал 25 лет. При этом по возрасту респондентов выделяется подгруппа 0 – 20 лет (больше половины опрошенных). Далее, 26,6 % опрошенных таковым считают возраст «24 года» и здесь также выделяется подмассив 0 – 20 лет (одна вторая часть респондентов). Вслед за этим 24,6 % участников опроса выделили возрастной интервал «26 лет», далее каждый пятый опрошенный респондент подходящим считает возраст «23 года», на разрез «27 лет» указали 21,1 % опрошенных. Участники опроса полагают, что благоприятным возрастом для вступления в брак является «0 – 20 лет» и, по мнению автора, такая позиция обусловлена существованием в общественном сознании мужской части населения позиции о «легкости адаптации молодой девушки» к семейной жизни, потому что в таком юном возрасте, само собой разумеется, что девушка не имеет образования, жизненного опыта, поэтому легче сформировать именно ту модель семьи, которая будет комфортной для супруга.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что массовому сознанию опрошенного дагестанского населения характерно четкое разграничение сожительства и шариатского брака. Если сожительство есть совместное проживание мужчины и женщины, которые по разным объективным и субъективным причинам не захотели официально их зарегистрировать, то шариатский брак является приоритетным для последователей исламского вероучения: мусульмане, в первую очередь, заключают брачный союз по исламским правилам, впоследствии могут его зарегистрировать в ЗАГСе, и то не всегда, потому что для них важнее осознание своего статуса в рамках собственного вероисповедания (в данном контексте перед Аллахом).

Конкретизация вопроса показывает доминирование в массовом сознании опрошенных позиции, не допускающей отождествления шариатского брака с гражданским браком с аргументацией важности для мусульманина, причем независимо отношения к религии, брачного союза заключенного по исламским канонам. Вместе с тем, одна шестая часть опрошенного населения рассматривает шариатский брак как сожительство, ибо его официально не регистрируют. Обращает на себя внимание характерность данной позиции для всех подгрупп, независимо от отношения к религии (верующий/неверующий), но, по сравнению с подгруппой верующих, в подмассиве неверующих и колеблющихся доля таковых существенно больше (одна треть);

Опрошенное дагестанское население наиболее предпочтительным возрастным интервалом для вступления в брак обозначает разрез 23 – 27 лет. Однако следует отметить, что если для мужчин возрастной интервал не имеет особого значения, то для девушки замужество в более позднем возрасте является нежелательным, ибо в массовом сознании существуют консервативные установки в отношении брака девушки: карьера и карьерная семья должны быть приоритетными для мужчины, а женщина

должна быть «хранительницей домашнего очага», вести домашнее хозяйство, заниматься воспитанием детей и др. Впрочем, можно заметить, что и сами женщины, при материальном достатке и благополучии семьи, сами не стремятся трудоустроиться, а предпочитают быть в статусе «домохозяйки».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Загирова Эльвира Махачевна

Кандидат социологических наук, научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Elvira Makhachevna Zagirova

Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Литература

1. Безрукова О.Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 1. С. 88 – 110.
2. Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 4. С. 159 – 177.
3. Верещагина А.В., Шахбанова М.М., Шихалиева Д.С. Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-1. С. 59 – 62.
4. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России: 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
5. Голод С.И. Трансформация эротико-эмоциональных отношений молодежи на протяжении XX столетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 2. С. 52 – 71.
6. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99 – 110.
7. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.
8. Гурко Т.А., Мамиконян М.С. Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами // Вестник Института социологии. 2018. № 4. Т. 9. С. 192 – 226.
9. Завгородний Д.А. Семейные ценности и ориентации молодежи как индикатор демографического будущего России: методологические аспекты исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6/1. С. 81 – 85.
10. Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4. С. 73 – 112.
11. Карлсон А. Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Пер. с англ. под науч. ред. А.И. Антонова. М.: Грааль, 2003. – 284 с.
12. Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. «Мы просто живем вместе»: сожительство в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Том XVIII. № 4 (81). С. 82 – 95.
13. Михеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – 156 с.
14. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М. Издательство Юрайт, 2007. 280 с.
15. Рамзанов Р.О. Вопросы толерантности и религиозная идентичность дагестанских народов // Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России. Материалы международной научно-практической конференции. Майкоп: Адыгейский государственный университет. 2019. С. 188 – 192.
16. Шахбанова М.М., Шахбанов А.М. Основные направления политики государства в урегулировании межэтнических и межнациональных конфликтов // Современное состояние и пути развития Юга России. Материалы региональной научной конференции / Гл. ред. Г.Г. Матишов. Азов, 2007. С. 265 – 267.

17. Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук - 2009. Сборник научных трудов / Сост. М.М. Шахбанова. Махачкала, 2009. С. 15 – 24.

18. Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андо-цезской группы). Махачкала: АЛЕФ, 2012. 200 с.

19. Демография // Росстат. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

References

1. Bezrukova O.N. (2017). Values of children and parenthood: intergenerational dynamics // Sociological Journal. Vol. 23. No. 1. P. 88 – 110.

2. Carlson A. (2003). Society-family-Personality: the social crisis of America. Alternative sociological approach / Trans. from English. under the scientific editorship of A.I. Antonov. M.: Grail, 284 p.

3. Golod S. I. (2010). Transformation of erotic-emotional relations of youth during the XX century // Journal of Sociology and Social Anthropology. No. 2. P. 52 – 71.

4. Gurko T.A. (2017). New family forms: trends of distribution and concepts. Sociological research. No. 11. P. 99 – 110.

5. Gurko T.A. (2008). Marriage and parenthood in Russia. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 325 p.

6. Gurko T.A., Mamikonyan M.S. (2018). Students' attitudes in the marriage and family sphere and relations between the sexes // Bulletin of the Institute of Sociology. No. 4. Vol. 9. P. 192-226.

7. Laktyukhina E.G., Antonov G.V. (2015). "We just live together": Cohabitation in modern Russia // Journal of Sociology and Social Anthropology. Vol. XVIII. No. 4 (81). P. 82 – 95.

8. Mikheeva A.R. (2012). A person in the sphere of private life: vectors of transformation of family relations. Novosibirsk: IEOPP SB RAS, 156 p.

9. Nechaeva A.M. (2007). Family law: actual problems of theory and practice. M. Yurayt Publishing House, 280 p.

10. Ramazanov R.O. (2019). Questions of tolerance and religious identity of the Dagestani peoples // The positive potential of Islam as a factor of ethnosocial consolidation of Russia. Materials of the international scientific and practical conference. Maykop: Adyghe State University, P. 188 – 192.

11. Vereshchagina A.V., Shakhbanova M.M. (2016). Interethnic relations in the assessment of Dagestani peoples // Journal of Sociology and Social Anthropology. Vol. 19. No. 4. P. 159 – 177.

12. Vereshchagina A.V., Shakhbanova M.M., Shikhalieva D.S. (2014). Demographic behavior and the formation of new family values in the attitudes of student youth // Humanities, socio-economic and social sciences. No. 10-1. P. 59 – 62.

13. Vishnevsky A.G. (2006). Demographic modernization of Russia: 1900 – 2000. M.: New publishing house, 608 p.

14. Shakhbanova M. M., Shakhbanov A.M. (2007). The main directions of state policy in the settlement of interethnic and interethnic conflicts // Modern state and ways of development of the South of Russia. Materials of the regional scientific conference / Chief editor G. G. Matishov. Azov, P. 265 – 267.

15. Shakhbanova M.M. (2009). The place of religion in the process of forming the culture of interethnic communication // Actual problems of the humanities-2009. Collection of scientific works / Comp. M.M. Shakhbanova. Makhachkala, P. 15 – 24.

16. Shakhbanova M.M. (2012). Ethnic identity of small-numbered Dagestan peoples (on the example of the Ando-Tsez group). Makhachkala: ALEF, 200 p.

17. Zavgorodny D.A. (2014). Family values and youth orientations as an indicator of the demographic future of Russia: methodological aspects of research // Humanities, socio-economic and social sciences. No. 6/1. P. 81 – 85.

18. Zakharov S.V. (2007). The latest trends in family formation in Russia // The world of Russia. No. 4. P. 73 – 112.

19. Demography // Rosstat. Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Поступила в редакцию

3 августа 2021 г.